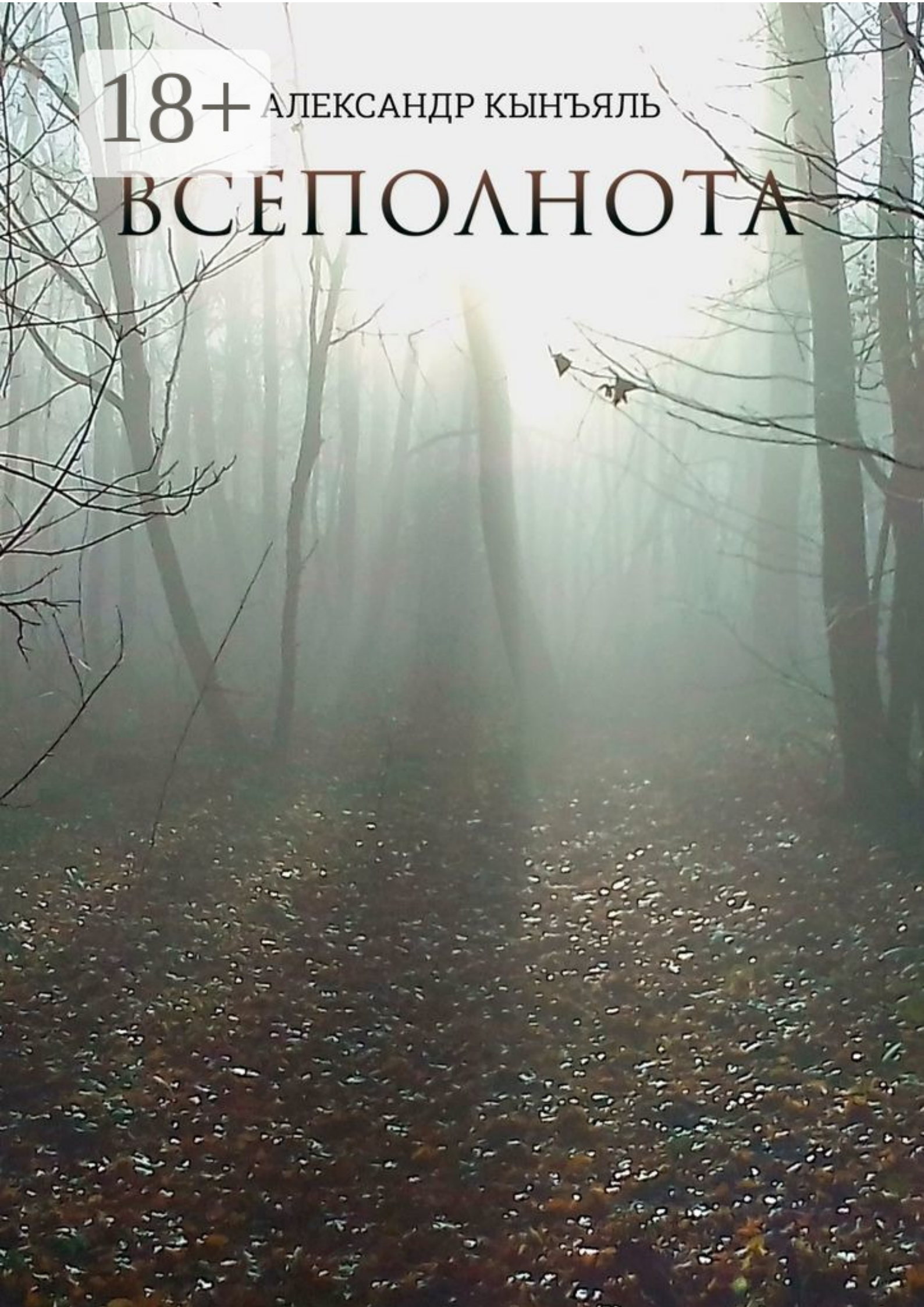


18+ АЛЕКСАНДР КЫНЪЯЛЪ

ВСЕПОЛНОТА



Александр Кынъяль

Всеполнота

«Издательские решения»

Кыньяль А.

Всеполюта / А. Кыньяль — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-557082-6

Философско-мировоззренческий роман обо ВСЁМ. Этот роман будет интересен тем читателям, которые ищут высший смысл своей жизни.

ISBN 978-5-00-557082-6

© Кыньяль А.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Всеполюта

Александр Кынъяль

Елена Кормилъцева *Корректор*

© Александр Кынъяль, 2021

ISBN 978-5-0055-7082-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Даже не знаю, с чего начать свой рассказ. Пожалуй, начну с того, что меня зовут Михаил и что родился я 17 декабря 1963 года. Сколько мне сейчас лет, я точно не знаю, потому что не знаю, какой сейчас год. Предполагаю, что мне за пятьдесят, но сколько именно, сказать не могу.

Когда-то я был простым советским человеком, ничем не отличающимся от миллионов других граждан СССР. Работал я грузчиком на станкостроительном заводе. Жил с одной женщиной, которая была старше меня на семь лет, и вместе с ней воспитывал ее сына (своих детей у меня нет). Любил после работы зайти с приятелями в пивную и за кружкой пива поругать нашу власть – благо с приходом к власти Горбачева людей перестали сажать за откровенное недовольство властью, и можно было вслух сказать, что Горбачев козел и что он не умеет управлять страной. Еще помню, как при Горбачеве мне все время хотелось, чтобы в нашей стране к власти пришел кто-нибудь подобный Сталину, так как мне почему-то все время казалось, что в этом случае жить станет лучше и веселее.

В общем, когда-то я был человеком не самого лучшего качества и далеко не самого большого ума. Думаю, я до сих пор был бы таким, если бы в один прекрасный день вся моя жизнь резко не изменилась. Именно благодаря этому резкому изменению всей моей жизни у меня начали постепенно открываться глаза, и в результате, когда зима и лето много раз сменили друг друга, я стал совершенно другим человеком. И сейчас мне даже самому не верится, что нынешний я и прошлый – это одна и та же личность.

Резкое изменение всей моей жизни произошло буквально за один день в конце июня или в начале июля 1990 года. Это был рабочий день. Как обычно в такие дни, я утром пошел на работу (я работал с восьми утра и до пяти вечера). Шел я по тем же самым улицам города, по каким всегда ходил из дома на завод. Больше половины пути я прошел без каких-либо приключений, то есть как и во все предыдущие рабочие дни, которых к тому времени у меня было уже великое множество. Но когда до завода оставалось всего два квартала, вокруг меня начало твориться что-то непонятное.

Сначала я увидел, как стоявший через дорогу по правую сторону от меня девятиэтажный дом начал вдруг меняться, превращаясь из квадратного в круглый. Затем я увидел, как совершенно прямая дорога, рядом с которой я шел по тротуару, начала вдруг искривляться, словно змея, а вслед за ней и тротуар, который тоже был прямым, искривился до неузнаваемости, только его кривизна приобрела другую форму, непохожую на кривизну дороги.

А закончилось это тем, что вокруг меня изменилось абсолютно все. Даже ехавшие по дороге машины и шедшие по тротуару люди приобрели такие формы, какие я никогда не видел и не могу их описать. Причем все формы были разными, и не было ни одного предмета, который был бы похож на другой. Только я один остался таким, каким был, – по крайней мере, с высоты своего роста я видел, что мои ноги, руки и туловище ни капли не изменились.

В первый момент я подумал, что просто сплю и мне снится странный сон. Поэтому я сказал самому себе: «Просыпайся! Хватит спать и смотреть всякую фигню!» Но я не проснулся.

Вместо этого тротуар, по которому я шел, начал быстро менять свою кривую форму и вскоре стал прямым, как прежде. При этом асфальт тротуара пришел в движение, и на нем примерно в метре передо мной вздулись буквы, из которых образовалась надпись: «Иди прямо по тротуару и никуда не сворачивай».

И я пошел, повинувшись таинственной силе; ибо мне действительно захотелось идти туда, куда меня позвали.

Несмотря на все непонятные странности, происходящие вокруг меня, я не испытывал страха. Наоборот, мне было ужасно интересно. Мне хотелось узнать, куда я приду и чем все эти

странности закончатся. Движущиеся по тротуару неопишуемые формы, которые когда-то были людьми, куда-то быстро исчезли, и я остался один. Также куда-то быстро исчезли и те неопишуемые движущиеся формы, которые когда-то были машинами. Вскоре вообще все исчезло вокруг, и по обе стороны тротуара образовалась гладкая, как зеркало, бескрайняя пустыня. А я все шел и шел, потому что мне по-прежнему было ужасно интересно и совсем не страшно.

Небо было абсолютно чистым, без единого облачка. Вот только оно почему-то было не голубым, а каким-то желтоватым. Однако больше всего меня удивило солнце. Во-первых, оно было зеленым; во-вторых, оно не было ослепительно-ярким, и на него можно было свободно смотреть; и в-третьих, своей формой оно напоминало снежинку.

По бескрайней гладкой пустыне я шел минуты две или три, после чего вся гладкая поверхность по обе стороны тротуара начала понемногу вздуться в разных местах, как пузыри на воде. Постепенно с увеличением пройденного мною расстояния эти вздутия становились все выше и выше; а затем они начали приобретать разнообразные формы, которые поначалу казались мне причудливыми, пока они не превратились в обыкновенные деревья. Тротуар, по которому я шагал, тоже начал меняться, становясь все более узким, чем он был; а его асфальт начал все больше и больше напоминать обыкновенную землю. В результате я оказался в каком-то дремучем лесу, шагающим по узкой земляной тропинке.

Едва я осознал, где нахожусь, как на меня тут же со всех сторон налетели кровососущие насекомые. Они облепили меня буквально с головы до ног. А поскольку я был в рубашке с коротким рукавом и в тонких летних брюках, то почувствовал себя так, словно меня целиком засунули в огонь. Чтобы избавиться от этих гнусных тварей, я бросился бежать сломя голову, но, не имея спортивной подготовки, быстро выдохся и снова перешел на шаг. Кровососы атаковали меня с еще большей кровожадностью.

И вот тут впервые за все это время я испугался. Причем испугался настолько сильно, что начал кричать. На какой-то миг я даже подумал, что меня специально заманили сюда, чтобы погубить.

Но едва я подумал об этом, как вдруг на тропинке прямо передо мной появился старик и начал меня рассматривать. Я остановился как вкопанный, перестал кричать и, в свою очередь, начал рассматривать его.

Старику на вид было примерно семьдесят пять лет. У него были седые волосы и длинная седая борода. Ростом он был с меня – то есть приблизительно метр восемьдесят, – и был такого же худощавого телосложения, как я. Одет он был во все темно-серое, почти черное, а именно: на нем были старый затасканный пиджак и такие же старые затасканные штаны. Да и обут он был в темно-серые ботинки, причем такие древние, что они, наверное, лет на сорок были старше самого старика.

– Не бойся, Миша, больше они тебя не тронут, – проговорил он мягким успокаивающим голосом.

То, что старик назвал меня по имени, почему-то нисколько меня не удивило, словно мы были с ним знакомы. У меня даже не возникло желания спросить его, откуда он знает мое имя. Единственно, чего мне хотелось, – это узнать, кого он имел в виду, говоря, что кто-то меня больше не тронет, так как я не понял, о ком шла речь, и подумал, что старик имел в виду каких-то сверхъестественных существ, которые заманили меня сюда.

– Кто меня больше не тронет? – спросил я.

– Букашки, которые кровь сосут, – ответил старик, и только после этого я заметил, что вокруг меня действительно нет ни одного кровососа.

– Это вы приказали им не трогать меня?

– Да, я.

– Они у вас что, дрессированные?

– Нет, я просто сказал им, кто ты такой.

– А кто я такой?

– Ты будущий хозяин этой земли.

Естественно, я снова ничего не понял. Какой хозяин? Какой земли? Бред какой-то.

– Что вы имеете в виду? – спросил я.

– Ну вот смотри, – начал объяснять мне старик, – твои руки, ноги и пальцы на них принадлежат тебе, ты их хозяин, поэтому они тебя слушаются. Вот точно так же вся эта земля и все живущее на ней, даже каждая маленькая букашка, которая сосет кровь, скоро будут принадлежать тебе и будут тебя слушаться. Ты и вся эта земля станете едины, как едины твоя голова и все остальное твое тело. Никто не сможет зайти сюда без твоего разрешения; а того, кто попытается это сделать, загрызут звери или до смерти закусуют букашки. Только ты будешь решать, кому здесь жить, а кому нет, и только тебе можно будет судить, кто здесь прав, а кто виноват... Теперь понятно тебе, о чем я говорю? – спросил меня старик.

– Сказанное вами поймет любой дурак, – ответил я. – В ваших словах ничего сложного нет. Вы мне лучше объясните то, чего не поймет даже самый величайший из мудрецов: почему именно я должен стать хозяином этой земли, а не кто-то другой? Я что, какой-то особенный?

– Пошли домой, и по дороге я тебе все объясню, – сказал старик, поворачиваясь ко мне боком и рукой показывая, чтобы я шел. – Иди впереди меня по тропинке, а я буду идти сзади и рассказывать тебе.

Разумеется, все это заинтересовало меня настолько сильно, что я забыл обо всем на свете и без каких-либо раздумий сделал то, что сказал мне старик. Я пошел по тропинке, а старик пошел сзади меня и начал мне через правое плечо чуть ли не в самое ухо рассказывать о том, какой я, оказывается, необыкновенный человек.

– Понимаешь, Миша, – сказал он, и мне вдруг стало стыдно от того, что я до сих пор не поинтересовался, как его зовут. Нехорошо как-то получалось: он называет меня по имени, а я, кроме на «вы», больше никак его не называю.

– Простите, – перебил я его, – как вас зовут?

– Иван, – ответил старик. – Но тебе, наверное, будет неловко называть меня так, потому что я намного старше тебя. Поэтому зови меня дядь Ваня... Так вот, Миша, – вновь переключился он на меня, – ты и вправду особенный. Дело в том, что, когда ты был еще совсем маленьким и только начинал учиться ходить, тебя укусила ручная крыса, которую тебе дали подержать в руках. Ты сделал ей больно, и за это она тоже сделала тебе больно. Конечно, дело тут вовсе не в крысе, а в том, что после ее укуса ты начал расти совсем другим человеком. Если бы тогда крыса тебя не укусила, то сейчас ты мыслил бы по-другому, а значит, не смог бы стать хозяином этой земли. Ведь чтобы стать хозяином чего-то, нужно сперва научиться мыслить как хозяин. Без этих мыслей человек может быть кем угодно, даже царем, но хозяином – никогда.

– Да я, вроде бы, за всю свою жизнь еще ни разу не мыслил, как хозяин, – сказал я, перебарывая в своей голове услышанное (до встречи с дядей Ваней о случае с крысой мне никто не рассказывал, а сам я, разумеется, ничего об этом не помнил). – Сколько помню себя, я всегда мыслил только о всяких удовольствиях и о том, как бы не попасть в какую-нибудь неприятную историю. Я всегда ощущал себя незащищенным простолудином, лишенным многих удовольствий, поэтому я всегда мыслил соответственно этому ощущению.

– А еще с самого детства ты мыслишь о всеполноте, – добавил к сказанному мною дядя Ваня.

И он был прав. Как я мог об этом забыть?! Действительно, с самого детства я мыслю о том, что каждая точка пространства нашего мира состоит из бесконечного множества других миров. (Точкой в данном случае я называю любой участок пространства любой формы и любого размера.) Причем каждая точка пространства каждого такого мира тоже состоит из бесконечного множества других миров, в каждом из которых каждая точка пространства тоже состоит из бес-

конечного множества других миров – и так до бесконечности в сторону уменьшения относительно нашего мира, в котором мы живем.

В свою очередь, наш мир точно так же является одним из бесконечного множества миров, находящихся в какой-то точке пространства другого мира, который является одним из бесконечного множества миров, находящихся в какой-то точке пространства другого мира – и так до бесконечности в сторону увеличения относительно нашего мира. При этом существует бесконечное множество миров, которые похожи друг на друга, и существует бесконечное множество миров, которые не похожи друг на друга.

Таким образом, мое мировоззрение с самого детства представляет собой бесконечность бесконечностей. Я назвал это мировоззрение «всеполнота», потому что из бесконечности бесконечностей следует, что абсолютно все заполнено абсолютно всем. Даже пустота заполнена бесконечным множеством бесконечно разнообразных миров.

Откуда взялось это слово, «всеполнота», я уже не помню. Возможно, я его где-то услышал или прочитал. Помню лишь, что лет до четырнадцати я называл бесконечность бесконечностей немного по-другому – «всеполное». Это слово часто произносила моя мать. Например, когда отец приходил с работы пьяным, она говорила ему: «Всеполное тебе пить-то!» Как только я начал понимать, что означает это слово (мне тогда было приблизительно шесть лет), я начал называть им свое мировоззрение, которое к тому времени у меня уже полностью сформировалось.

Именно тогда в какой-то день, глядя с балкона на человека, который проходил рядом с девятиэтажкой, стоявшей напротив нашего дома (тоже, кстати, девятиэтажного), я представил этого пешехода бесконечно маленьким относительно чего-то бесконечно большого. А когда рядом с этим человеком пролетела маленькая птичка, то я представил его бесконечно большим относительно чего-то бесконечно маленького. И все то, что представилось мне, я впервые назвал словом «всеполное», поскольку уже тогда понимал, что все пространство между бесконечно большим и бесконечно маленьким должно быть заполнено бесконечным множеством бесконечно разнообразных вещей. Позже эти вещи я стал называть мирами, а название своего мировоззрения с корявого слова «всеполное» я сменил на более-менее стройно звучащее слово «всеполнота».

В общем, дядя Ваня напомнил мне о всеполноте, о которой я при встрече с ним почему-то забыл и совершенно не понимал, что он имел в виду, говоря о моем мышлении. Теперь я понял, что он говорил о моем мировоззрении, но по-прежнему не понимал, что означает «мыслить как хозяин». Ведь я, размышляя о всеполноте, никогда не воображал себя каким-то хозяином и никогда не представлял себе, что мне что-то принадлежит. Во время таких размышлений я вообще не думал о себе. Я просто своим умом на мгновение постигал непостижимое и ощущал от этого несказанную радость, словно мне дали кучу денег и разрешили купить на них все что я пожелаю. Поэтому если со слов дяди Вани выходило, что я мыслю как хозяин, то для меня это было, по меньшей мере, странно.

– Дядь Вань, я опять не полностью вас понял, – сказал я. – Да, я действительно с самого детства мыслю о всеполноте. Но это мысли не хозяина, а наблюдателя: я что-то вижу в своем уме и размышляю об этом.

– О чем ты говоришь, Миша?! – воскликнул дядя Ваня. – Какой еще наблюдатель?! Ты управляешь теми мирами, которые видишь в своем уме, и меняешь в них законы. Все эти миры только потому и наполняют тебя радостью, что они слушаются тебя. Если бы они тебя не слушались, то ты бы чувствовал себя точно так же, как чувствует тот несчастный человек, которого не слушаются руки и ноги. То есть вместо радости тебя бы наполняла печаль. А слушаются тебя эти миры только потому, что ты их хозяин и они принадлежат тебе. Никого другого они слушаться не будут, только тебя. Рождаясь друг от друга, эти миры чувствуют тебя

и становятся с тобой едины. Ты мыслишь о них, и они знают, что это мысли их хозяина; ибо они знают, как мыслит хозяин и как мыслит нехозяин.

Так что ты, Миша, мыслишь именно как хозяин, – похлопал меня по плечу дядя Ваня. – Потому что ты мыслишь о всеполноте, о которой могут мыслить только хозяева миров. По сути, ты сам являешься всеполнотой и мыслишь о самом себе. Но из-за того что ты живешь в этом мире, где все ограничено, в том числе и твой ум, ты не можешь этого осознать. Тебе кажется, что ты просто наблюдатель и что-то видишь в своем уме. Ты даже не можешь осознать того, что, если все это находится в твоём уме, значит, все это принадлежит тебе. Лишь после того как твое тело умрет, благодаря чему твой ум освободится от всех ограничений, ты осознаешь, кем ты являешься на самом деле. Все это ждет тебя в далеком будущем, когда ты станешь стариком. А сейчас тебе нужно готовиться к тому, чтобы в ближайшем будущем стать хозяином этой земли, на территории которой мы с тобой в данный момент находимся.

– Вы можете сказать, где именно мы находимся? – спросил я, не зная, о чем еще можно спрашивать после всего только что услышанного мною, которое показалось мне неправдоподобным и даже каким-то откровенно лживым; ибо внутри меня ничего не изменилось, и как я ощущал себя простым наблюдателем миров, находящихся в моем уме, так и продолжал себя им ощущать. – Что это за земля?

– Мы находимся в Сибири, – ответил дядя Ваня. – А эта земля – небольшой участок, примерно тринадцать километров в длину и около одиннадцати в ширину.

– Да ладно, в Сибири! От моего города до Сибири полторы тысячи километров.

– От твоего города до этой земли больше двух тысяч километров.

– Как же я смог за такое короткое время пройти пешком такое огромное расстояние? Ведь еще, наверное, и часа не прошло, как я вышел из дома на работу. Я всегда выхожу в пятнадцать минут восьмого, а сейчас уже где-то около восьми или чуть больше. По крайней мере, по моим ощущениям сейчас не больше десяти минут девятого.

– Это я сделал так, что за столь короткое время ты спокойным шагом прошел такое огромное расстояние.

– Каким образом вы это сделали?

– Я временно поместил тебя в другой мир, где все невозможное в нашем мире становится возможным.

– Кстати, кто вы такой? А то вы все обо мне знаете, а я, кроме вашего имени, больше ничего о вас не знаю.

– Я нынешний хозяин этой земли. Я ведь тоже, как и ты, с самого детства мыслю о всеполноте.

– Вот как! Получается, мы с вами братья по мыслям.

– Ты не совсем правильно выразился. Мы с тобой одна всеполнота.

– Ах да! После всего сказанного вами, как я сам не догадался об этом. Наверное, это из-за того, что, как вы сказали, у меня ограниченный ум. Из-за этого проклятого ограничения я никак не могу понять, какую ценность представляет эта земля, хозяином которой вы являетесь.

– На этой земле хозяева миров, живущие в этом мире, соединяются в одно «Я»; а после смерти своих тел они здесь соединяются в одно «Я» со всеми остальными хозяевами миров, живущими в других мирах.

– То есть мы с вами станем здесь одной личностью.

– Да.

– И как это будет выглядеть?

– Потом увидишь. Сначала тебе нужно немного поумнеть и перестать обижаться на мои слова. Я понимаю, тебе обидно стало, когда я сказал, что у тебя ограниченный ум. Большинству людей от таких слов тоже обидно станет. Люди вообще ужасно обижаются, когда их вот так откровенно называют дураками, особенно если они и вправду дураки. Чем дурнее человек,

тем сильнее он обижается. Из-за дурусти люди страдают и друг другу страдания причиняют. Поэтому всегда нужно стремиться к тому, чтобы приобрести необходимые знания, которые помогут тебе нормально жить и другим не мешать. Проще говоря, всегда нужно стремиться к тому, чтобы поумнеть; ибо все мы дураки до тех пор, пока не начинаем осознавать свою дурусть.

Дядя Ваня попал в самую точку. Я действительно обиделся, когда он сказал, что у меня ограниченный ум. Обида заставила меня дерзить ему в каждом произнесенном мною слове, чтобы он заметил это и извинился. Естественно, как я и хотел, дядя Ваня заметил это. Но вместо извинений он только еще раз подтвердил ограниченность моего ума, откровенно назвав меня дураком.

И правильно он сделал. Потому что мне стало очень стыдно, и я впервые в своей жизни осознал себя настолько глупым человеком, что, казалось, глупее меня никого больше нет на всем белом свете.

Раньше я считал себя если не гением, то, по крайней мере, неглупым парнем. Еще бы! Ведь я мыслил о всеполноте, о которой, как я внушал самому себе, дурак мыслить не может. Вообще, раньше мне даже в голову не могло прийти, что, например, величайшие математики, физики, химики, биологи и другие ученые, которых, кроме как гениями, больше никак не назовешь, в обычной жизни, где не требуются их научные знания, могут быть полными дураками. Мне казалось, что глубоко мыслящие люди дураками не бывают. Никогда бы не подумал я, что дураком и гением может быть один и тот же человек.

Гениальность и способность мыслить о немислимых вещах всегда воспринимались мною как несомненное доказательство того, что их обладатели являются умнейшими людьми на нашей планете. Если бы мне до знакомства с дядей Ваней сказали бы, что какая-нибудь русская крестьянка девятнадцатого века была умнее всех общепризнанных гениев своего времени, то я бы просто рассмеялся. Не понимал я, что быть гениальным мыслителем и быть умным – это не всегда одно и то же.

Лишь после знакомства с дядей Ваней я начал понимать, что гений – это тот, кто лучше всех разбирается в какой-то одной вещи, а умный – это тот, кто способен мыслить соответственно реальному положению вещей. То есть умный человек никогда ничего не преувеличивает, никогда ничего не преуменьшает и смотрит на окружающий его мир глазами исследователя, приобретая необходимые знания для нормальной жизни. Можно еще сказать, что умные люди не бывают фантазерами, потому что фантазеры всегда безумны. И, разумеется, умный человек никогда ни на кого не обижается, потому что всякая обида происходит от неспособности мыслить соответственно реальному положению вещей.

Короче говоря, дядя Ваня поставил меня на место, и с тех пор все мои силы направлены только к одной цели – поумнеть.

Между тем тропинка, по которой мы шли, привела нас к поросшему травой земляному холму, метров десять в высоту и около двадцати в ширину (позже выяснилось, что в длину этот холм был метров на двенадцать больше, чем в ширину). Внизу, посередине этого холма была каменная плита, примерно три с половиной метра в высоту и столько же в ширину. Она выступала из холма на метр с небольшим и своей формой напоминала лицо женщины. Правда, сходство с женским лицом плита приобретала только за счет закрытой деревянной двери, которая находилась посередине плиты, возвышаясь снизу над тропинкой сантиметров на пятнадцать, и перед которой тропинка заканчивалась. Как я выяснил позже, если дверь была открыта, то сходство с женским лицом у плиты пропадало.

– Это наш дом, – сказал дядя Ваня, когда мы подошли к двери. – Открывай дверь и заходи.

Я молча взялся за дверную ручку, сделанную из оленьего рога, и потянул ее на себя. Дверь бесшумно открылась, и я шагнул внутрь холма.

Сначала я прошел через длинный проход, выдолбленный в той каменной плите, которая снаружи с закрытой дверью напоминала лицо женщины. Эта плита толщиной (или длиной – не знаю, как правильно сказать) была не менее четырех с половиной метров, поэтому и проход получился таким длинным. В высоту и в ширину проход был примерно такого же размера, какими в советских квартирах делали дверные проемы. Да и своей формой он ничем не отличался от советского дверного проема, разве что сверху, снизу, по бокам и по углам он, в отличие от советских дверных проемов, представлял собой совершенство.

Когда проход закончился, меня встретили две каменные ступени, по которым я сошел вниз. Пол тоже оказался каменным, а когда мои глаза привыкли к слабому освещению, которое было здесь только благодаря открытой двери (никаких окон и чего-то похожего на них здесь не было), то я просто ахнул от увиденного. Все помещение – а это примерно шесть метров в длину, четыре в ширину и три в высоту – было целиком выдолблено внутри огромной каменной глыбы. Причем, как и у прохода, все углы были идеальными, а пол, потолок и стены были изумительно гладкими, без малейшего намека на какую-либо неровность.

То есть та каменная плита, которая находилась снаружи и с закрытой дверью напоминала лицо женщины, была частью огромной каменной глыбы, спрятанной внутри холма. Собственно говоря, сам холм как раз и представлял собой эту глыбу или ее верхушку, покрытую толстым слоем земли. Благодаря тому что земля поросла травой, холм казался ничем не привлекательной горкой. И если бы из холма не торчал наружу кусок каменной глыбы, то можно было подумать, что это просто огромная куча земли, внутри которой если и есть что-то каменное, то лишь в виде немногочисленных, далеко разбросанных друг от друга мелких голышей.

В общем, дом у дяди Вани был великолепен во всех отношениях. Даже отсутствие окон не ослабляло во мне чувства восхищения этим домом. Такой дом простоит миллион лет, и ничего с ним не случится.

А вот сам дядя Ваня жил в этом доме весьма скромно. Единственная комната, кроме совершенства своих углов, стен, пола и потолка, больше ничем особым порадовать не могла. Возле стены, которая относительно меня находилась по правую сторону, стояли стол и два стула. Они были сделаны из дерева и своими формами напоминали грибы: стол – большой гриб, а стулья – маленькие грибочки. Слева от меня, вдоль стены, стоял довольно вместительный двухдверный шкаф для одежды, тоже, разумеется, деревянный. Чуть дальше, примерно в метре от шкафа и от стола со стульями, вдоль левой и правой стен, стояли напротив друг друга две одинаковые небольшие деревянные кровати.

И все. Больше здесь ничего не было. Стена, которая относительно меня находилась сзади и посередине которой был выдолблен проход, была совершенно пустой. Также была пустой и та стена, которая относительно меня находилась спереди; причем посередине этой стены тоже было выдолблено углубление, своими размерами и формой напоминающее проход, только оно заходило в стену всего лишь метра на полтора или чуть больше. Поначалу я не понял, зачем нужно это углубление, но позже я выяснил, что его специально сделали для того, чтобы разжигать в нем костер (внутри него, сверху, был сделан отличный дымоход).

– Неплохое у вас жилище, – сказал я. – Здесь так прохладно, – добавил я, поймав себя на мысли о том, какая в помещении царит приятная прохлада.

– Летом здесь всегда прохладно, а зимой – тепло, – устало проговорил дядя Ваня, присаживаясь на ближайший от меня стул. – Ты присаживайся, – показал он рукой на другой стул.

Я подошел к стулу и присел на него.

– Есть будешь? – спросил дядя Ваня.

– Нет, спасибо, я позавтракал, – ответил я и, в свою очередь, спросил дядю Ваню: – вы сами, что ли, сделали все это?

– Что именно? – не понял дядя Ваня.

– Вот это помещение, – пояснил я, поворачивая голову во все стороны и обводя глазами пол, стены и потолок.

– Ах, вот ты о чем. Нет, я, как и ты, пришел сюда уже на все готовое. Все это сделали первые хозяева этой земли, которые жили здесь задолго до меня.

– То есть не исключено, что этой каменной комнате уже лет двести или даже триста. Дядя Ваня засмеялся.

– Двести и триста лет тому назад хозяева этой земли тоже, как и мы с тобой, приходили сюда уже на все готовое, – сказал он. – И четыреста лет тому назад, и пятьсот, и тысячу, и две тысячи, и пять тысяч, и десять тысяч лет тому назад. Возможно, и двадцать тысяч лет тому назад хозяева этой земли приходили сюда уже на все готовое.

– Ничего себе! – удивился я. – Сколько же времени прошло с тех пор, когда начали выдалбливать это помещение?

– Выдалбливать его начали более двадцати тысяч лет тому назад. Но когда именно, я этого не знаю. Мне известно лишь о том, что в то время здесь водились такие животные, которых сейчас уже нет – они вымерли. И вместо тайги здесь вокруг простиралась бескрайняя степь. Еще я знаю о том, что сначала в этой каменной глыбе было что-то вроде небольшой пещеры, в которой поселился первый хозяин этой земли. Он начал потихоньку расширять пещеру, долбя ее стены камнями. Затем то же самое продолжил делать второй хозяин, потом третий, четвертый, пятый и так далее. Таким образом, через сотни или даже через тысячи лет на месте той небольшой пещеры образовалась вот эта просторная комната. Точнее, на месте бывшей пещеры сейчас расположен вон тот длинный проход, через который мы вошли в эту комнату, а сама комната дальше выдалбливалась в сплошном камне, в котором уже никаких пустот не было.

– С ума сойти! Древние пещерные люди создали такое обалденное жилище. Неужели эти дикари в звериных шкурах могли создать такое совершенство? И неужели они тоже, как и мы с вами, могли мыслить о всеполноте?

– Конечно могли. Они ведь по своей природе от нас с тобой ничем не отличались.

– А когда вообще появился самый первый человек, который начал мыслить о всеполноте?

– Ну так первый хозяин этой земли как раз и был этим человеком. Только я не знаю точно, когда он жил. Знаю лишь, что он пришел сюда более двадцати тысяч лет тому назад – в промежутке времени между тридцатью и двадцатью тысячами. Но когда именно он пришел сюда, мне об этом ничего не известно.

– Тем не менее вам откуда-то известно, что первый хозяин этой земли пришел сюда в промежутке времени между тридцатью и двадцатью тысячами лет тому назад. Не раньше и не позже, а именно в этом промежутке. Откуда вы это знаете?

– Об этом мне сказал дядь Петя – хозяин этой земли, который жил здесь до меня. А ему сказал хозяин, который жил здесь до него. То есть каждый хозяин этой земли рассказывает об этом своему преемнику. Как я тебе сейчас рассказываю об этом. Придет время, и ты тоже будешь рассказывать об этом своему преемнику, а он потом расскажет своему и так далее.

– Почему же тогда нет более точных сведений о том, когда жил первый хозяин этой земли? Если каждый хозяин, начиная со второго хозяина, рассказывал о нем своему преемнику, то как же так получилось, что о времени его жизни приходится лишь гадать и думать: «Когда он жил? Двадцать одну тысячу лет тому назад? Или двадцать пять? А может, двадцать девять тысяч?» По какой причине нельзя более-менее точно сказать, что первый хозяин этой земли жил, допустим, двадцать две тысячи восемьсот лет тому назад или, скажем, двадцать четыре с половиной тысячи?

– Нельзя этого с точностью сказать по той простой причине, что здесь никто не считает время. Вот я, например, могу сказать, что живу здесь больше сорока лет. Но сколько именно – сорок три, сорок семь, пятьдесят или вообще пятьдесят шесть, – я этого с точностью сказать

уже не могу. Потому что я не считал. Я просто живу и размышляю о всеполноте. Для меня время безначально и бесконечно. Ведь я не только хозяин этой земли, но еще и хозяин миров, живущий в этом мире. Поэтому для меня что одна секунда, что один час, что один день, что один год, что тысяча лет, что миллион, что миллиард – одинаковы по количеству времени.

– Тогда все ясно.

И тут вдруг мне стало ясно не только это, но и кое-что другое. Я со всей неумолимой ясностью осознал, что больше никогда не вернусь домой и больше никогда не увижу своих родных и близких. От осознания этого мне стало очень тяжело на душе. В первый момент меня даже потянуло сказать дяде Ване, что я хочу домой, и чтобы он нашел себе какого-нибудь другого преемника. Но дядя Ваня, увидев мое душевное состояние и поняв, что со мной происходит, быстро пришел мне на помощь.

– Кроме тебя, никого больше нет на всем белом свете, – сказал он. – Если не считать меня, то из всех ныне живущих людей ты единственный, кто мыслит о всеполноте. Такие люди, как мы с тобой, появляются по одному примерно через каждые пятьдесят лет. И все они, достигнув определенного возраста – в среднем около двадцати пяти лет, – призываются сюда, чтобы приобрести необходимые знания и стать хозяевами этой земли. Тебе, мне и всем таким людям, как мы с тобой, необходимо как можно дольше пожить здесь, на этой земле, и закончить здесь свое земное существование. Помимо этого, необходимо также соблюдать преемственность. То есть необходимо соблюдать передачу власти от одного хозяина этой земли к другому. В случае если эта преемственность будет прервана раньше времени, то вместе с ней прервется цепочка бесконечности бытия, и тогда все исчезнет; ибо мы в виде нашего единого «Я» как раз и есть вся эта бесконечность. Мы – единая всеполнота!

Что же касается того, что ты больше никогда не вернешься домой и больше никогда не увидишь своих родных и близких, то ты ошибаешься, – продолжал дядя Ваня. – В бесконечности бытия ты побываешь дома и увидишь своих родственников бесконечное число раз. Ты никогда никого и ничего не потеряешь. Вся твоя жизнь будет представлять собой одно сплошное счастье и нескончаемую радость. Твоя душа обретет вечный покой и получит полное удовлетворение от всего. Никакая опасность не будет тебе грозить. Даже смерть, когда ты доживешь до глубокой старости, станет для тебя не злым врагом, как сейчас, а добрым другом.

– Но почему для этого я должен жить именно здесь, вдали от дома?

– Да потому, что в нашем мире именно здесь родились первые мысли о всеполноте. Дело в том, что первый хозяин этой земли, в голове которого родились эти мысли, пришел сюда не откуда-то издалека, как ты, наверное, подумал. Он сам родился и вырос в этих краях. Более двадцати тысяч лет тому назад в семи-восьми километрах к западу отсюда была небольшая деревушка, в которой жило его племя. Вот оттуда он и пришел сюда, когда ему исполнилось примерно столько, сколько тебе сейчас.

Этот небольшой участок сибирской земли стал своего рода центром нашего мира, потому что он первым впитал в себя силу человеческих мыслей о всеполноте. Столь небольшие размеры этого участка объясняются тем, что человек, который начал первым мыслить о всеполноте, ходил по нему, но не выходил за его пределы. Если бы этот человек, начиная с момента рождения в его голове первых мыслей о всеполноте, никогда бы не выходил за пределы деревни, в которой он жил, то данный участок размером был бы всего лишь метров двести в длину и около ста пятидесяти в ширину. А если бы этот человек, размышляя о всеполноте, ходил бы по всей Сибири, то и данный участок тоже представлял бы собой всю Сибирь.

– Понятно, – произнес я, чувствуя, как моя душа начала понемногу успокаиваться. – Сколько этот человек прошел, размышляя о всеполноте, столько он своим передвижением и начертил силовых линий, из которых образовался участок, ставший центром нашего мира. По-видимому, этот человек не очень любил ходить, когда его мысли были заняты всеполно-

той. Наверное, ему, как и мне, в такие минуты больше всего нравилось стоять, сидеть, а еще лучше – лежать на спине с закрытыми глазами.

– Да, скорее всего, первый хозяин этой земли был таким же, как ты, – согласился со мной дядя Ваня. – А вот мне во время размышлений о всеполюте больше всего нравится ходить. Я даже иногда задумываюсь над тем, что было бы, если бы именно я стал первым человеком, который начал мыслить о всеполюте. Мне кажется, я бы намотал столько километров, что центром нашего мира стала бы вся Россия.

– В таком случае хорошо, что не в вашей голове родились первые мысли о всеполюте, иначе в нашей стране могли бы жить только умные люди, – засмеялся я, и дядя Ваня, глядя на меня, улыбнулся и сказал в ответ:

– Это точно. Ни один умный хозяин никогда бы не разрешил дуракам жить на его земле.

Короче говоря, я полностью успокоился и смирился с тем, что мне придется до конца своих дней жить здесь, в глухой сибирской тайге, где до ближайшего населенного пункта примерно триста километров. Конечно, я осознавал, что мое внезапное исчезновение принесет моим родным и близким много скорби и печали. Но также я осознавал и то, что они тоже постепенно смирятся с этим и успокоятся. Они, думал я, будут просто считать меня пропавшим без вести и надеяться на то, что я жив. А лет через десять они и вовсе забудут обо мне, словно меня никогда не существовало в их жизни.

Успокоившись, я внезапно ощутил в себе могучее желание постичь всю бесконечность бытия, постичь то, что называют Абсолютом. И это желание, разрушая на своем пути все ограничения моего ума, стремительно понесло меня туда, где оно должно было сбыться.

Глава вторая

К новым условиям своего земного существования я привык довольно быстро. Уже через пять-шесть дней мне казалось, что я живу в лесу с самого рождения. Ничего трудного для меня в этой новой жизни не было. Наоборот, все было так легко, что даже не верилось в это. Например, я легко мог поднять себя в воздух силой своего желания и летать над лесом, словно птица. Или сколько угодно мог не дышать и плавать под водой. Правда, все это я мог делать только на той территории, хозяином которой я должен был стать в будущем. За границами этой территории я становился обычным человеком и попадал в условия суровой безжалостной тайги, где легко мог стать добычей медведя или, если бы заблудился, мог погибнуть от голода, поскольку я не был приспособлен к выживанию в таких тяжелых условиях.

На своей территории мы с дядей Ваней совершенно ни о чем не заботились. Мы не заботились даже о добывании еды. При желании мы вообще могли бы на своей территории ничего не есть до конца своих дней и чувствовали бы себя нормально. Ну а если у нас появлялось желание чего-нибудь съесть, то мы делали следующее. Взявшись за руки, мы садились за стол лицом друг к другу и закрывали глаза. Затем каждый из нас начинал мысленно создавать в своем воображении образ той еды, которую он хотел съесть. Через пару минут мы открывали глаза – и эта еда стояла перед нами на столе.

Дядя Ваня чаще всего почему-то создавал себе ржаной хлеб, вареную картошку и кружку молока. Лишь иногда он создавал что-нибудь другое – например, окрошку или пирожки с капустой. А я обычно создавал тушенку, сгущенку, копченую колбасу, какой-нибудь торт, шоколадные конфеты, жареную курицу, шашлык, разнообразные ягоды и фрукты или просто тарелку хорошего домашнего борща с мягким пшеничным хлебом.

Чуть позже, примерно через месяц, я научился создавать еду своими собственными силами. То есть мне больше не нужно было, чтобы во время мысленного создания еды дядя Ваня держал меня за руки. Я научился создавать такие вкуснятины, какие раньше не видел и никогда не думал, что в нашем мире можно создать что-либо подобное. Это был такой кайф, что поначалу, когда я научился этому, я только обжирался и больше ничего не делал. Но потом я заметил, что от большого количества слишком вкусной еды у меня начала плохо работать голова, из-за чего я почти перестал мыслить о всеполноте. Поэтому мне пришлось срочно взяться за ум и прекратить свое обжорство.

Точно так же, как еду, мы с дядей Ваней создавали одежду и обувь. Да и вообще, любую нужную нам вещь мы создавали одним и тем же способом, так как другого способа для приобретения нужных вещей у нас просто не было. Разумеется, для того чтобы создать куртку или сапоги, вовсе не обязательно было садиться за стол, как мы это обычно делали, когда создавали еду. Любую вещь – в том числе хлеб, тушенку и прочие продукты питания – можно было создать в любой точке нашей территории. Просто мы с дядей Ваней, как и вообще многие люди, привыкли есть сидя за столом, поэтому и еду мы создавали там, где всегда ели.

По вечерам, а также днем, когда дверь снаружи была закрыта, мы этим же самым способом внутри помещения, в котором жили, создавали освещение. То есть мы закрывали глаза, затем каждый из нас начинал мысленно создавать в своем воображении образ нашей каменной комнаты в той степени освещенности, в какой ему хотелось ее видеть – в яркой или не очень. Когда через пару минут мы открывали глаза, каждый из нас получал именно то, что хотел. Я, например, с самого детства люблю, когда помещение наполнено ярким светом, а дядя Ваня, наоборот, всегда любил, чтобы в помещении был тусклый свет. Поэтому я видел нашу комнату в ярком свете, а дядя Ваня – в тусклом.

Этим же способом каждый из нас снова мог «выключить» свет, если он, например, решил поспать (хотя при желании мы с дядей Ваней на своей территории вообще могли никогда

не спать, и никакого вреда для нашего здоровья от этого бы не было). Если один из нас «выключал» для себя свет, другой, естественно, продолжал видеть свет в той степени яркости, в какой он создал его для себя. В такие моменты мне всегда смешно было смотреть на то, как дядя Ваня, проснувшись, начинал на ощупь, словно слепой, искать ногами свои тапочки, которые стояли рядом с его кроватью. Ведь для меня комната была ярко освещенной, а для дяди Вани в комнате была непроглядная тьма, пока он тоже не создавал для себя освещение.

Создаваемый нами свет с самого первого дня и до сих пор удивляет меня тем, что он не имеет какого-то строго определенного источника, чего в обычной жизни, насколько мне известно, не бывает. В обычной жизни свет всегда исходит от какого-то источника – например, от солнца или от электрической лампочки. Но у дяди Вани, благодаря тому, что он был хозяином необычной земли, жизнь была необычной. И моя жизнь стала точно такой же, поскольку я являюсь преемником дяди Вани.

Поэтому создаваемый нами свет с самого первого дня и до сих пор удивляет меня тем, что он тоже не совсем обычный. Этот свет просто откуда-то появляется и равномерно наполняет всю комнату. То есть каждый участок комнаты и каждый находящийся в ней предмет одинаково освещается со всех сторон. Даже под столом, под стульями и под кроватями света ровно столько же, сколько над ними. Благодаря этому во время такого освещения в нашей комнате нет теней.

Долгое время я не мог понять природу этого удивительного света. Лишь совсем недавно до меня вдруг дошло, что этот свет является отображением моей жизни. Да-да, он отображает то душевное состояние, которое у меня появилось после знакомства с дядей Ваней. Как при создаваемом мною свете не бывает теней, так и после знакомства с дядей Ваней в моей жизни ничего темного не было.

Действительно, вся моя жизнь после знакомства с дядей Ваней – это постоянное, никогда не прекращающееся ощущение радости и счастья. Моя душа как будто бы светится. Я ощущаю себя настолько яркой личностью, что, кажется, если бы солнце исчезло, то я бы мог освещать землю вместо него. Могу с полной уверенностью сказать, что я являюсь самым счастливым человеком в нашем мире. Более того, могу смело утверждать, что если в нашем мире посчитать общее количество счастья, которое делят между собой разные счастливицы, то это количество будет ничтожным в сравнении с тем количеством счастья, которым обладаю я.

Конечно, быть таким счастливым я имею возможность пока только на своей территории. Но однажды настанет час, когда мое счастье распространится на всю бесконечность бытия, и тогда я стану абсолютно счастливым или, лучше сказать, я сам стану абсолютным счастьем. Для дяди Вани этот час уже настал, и сейчас он является Абсолютом. А ведь он, как и я, начинал свое существование простым человеком.

Дядя Ваня, по всей видимости, родился еще при царе. Правда, когда именно он родился – то есть какого числа, какого месяца и какого года, – он этого не знал. Дело в том, что дядю Ваню вырастили какие-то бродяги. А вот в каком возрасте он к ним попал и при каких обстоятельствах, ему об этом ничего известно не было. Сами бродяги говорили ему, что нашли его в каком-то болоте – он там якобы сидел по шею в воде и плакал – и что на тот момент ему было около трех лет. Но эти люди были настолько лживы, что даже друг другу никогда не говорили правду. Поэтому им верить – себя не уважать.

Скорее всего, бродяги похитили дядю Ваню у какой-то крестьянской семьи, чтобы сделать из него попрошайку. Ведь, как известно, просящему ребенку люди подают милостыню с гораздо большей охотой, чем взрослому человеку. Особенно когда ребенок выглядит до такой степени убого, что без слез на него невозможно смотреть.

Именно попрошайничеством и занимался дядя Ваня, когда жил с бродягами. Своим убогим видом – в грязных рваных лохмотьях и с грязным страдальческим лицом – он зарабатывал неплохие деньги, которые все до копейки у него отбирал главарь их шайки.

Вообще, шайка бродяг, членом которой был дядя Ваня, занималась не только попрошайничеством, но и воровством. Попрошайничеством в этой шайке занимались только дети, а воровством занимались взрослые. Потому что по мере взросления попрошайка начинал зарабатывать денег все меньше и меньше, вплоть до того, что он действительно превращался в жалкое, умирающее от голода ничтожество (главарь шайки не кормил тех, кто мало зарабатывал); а воровство спасало попрошайку от голодной смерти – например, он мог украсть какую-нибудь булочку или пирожок.

Вот и дядя Ваня тоже с каждым годом становился все взрослее и взрослее, а значит попрошайничеством он зарабатывал денег все меньше и меньше. Наконец он достиг того возраста, когда попрошайничество стало для него лишь пустой тратой времени. Чтобы не умереть от голода, он, по примеру старших членов шайки, решил заняться воровством. Но при первой же попытке вытащить у одной женщины из сумки буханку хлеба его поймали, жестоко избили и в конечном итоге он попал в приют для бездомных.

Здесь, в приюте, дядя Ваня познакомился со своей будущей любовницей. Она была местной партийной «шишкой», причем довольно крупной (это происходило в 1931 году). Дядя Ваня познакомился с ней, когда она приезжала в приют во главе группы местных партийных «товарищей», которым спьяну взбрело в голову сообщить бездомным людям, что они живут в самой лучшей стране в мире.

Слегка подтаятая, властная глава группы пьяных партийных дурачков обратила внимание на дядю Ваню после того, как он сказал ей, что из нее получилась бы хорошая царица России. Женщина улыбнулась и поблагодарила симпатичного мальчишку, который на вопрос сколько ему лет ответил, что ему восемнадцать, хотя на самом деле он не знал своего точного возраста, и на тот момент ему, скорее всего, еще не было восемнадцати. После этого в первую же ночь в приют приехала машина, в которую насильно закинули дядю Ваню и увезли.

К счастью, ничего плохого ему не сделали. Напротив, дядя Ваня попал в такой удивительный мир, где было только хорошее и ничего больше. Его привезли в небольшой соседний городок и сказали, чтобы он, во-первых, никуда отсюда не уезжал, а во-вторых, чтобы он навсегда забыл своих дружков – воров и попрошаек – и стал нормальным человеком. Именно так дядя Ваня в дальнейшем и поступил, то есть порвал со своими друзьями всякую связь.

У той самой партийной «шишки», которую звали Татьяна Александровна, в том городе, куда привезли дядю Ваню, была тайная квартира, о которой, кроме самой Татьяны Александровны, знали только ее водитель и еще двое мужчин из ее ближайшего окружения, которым она доверяла (именно эти трое человек забирали дядю Ваню из приюта). Вот на эту квартиру и привезли дядю Ваню, сказав, что теперь он будет жить здесь и ни в чем нуждаться не будет.

Квартира эта была трехкомнатной, со всеми удобствами – даже с горячей водой, которую никогда не отключали, и с телефоном. Для дяди Вани это был рай. Ему привозили еду, одежду, обувь. Причем его кормили, поили, одевали и обували так, словно он был не бывшим бродягой, а членом царской семьи. Кроме того, Татьяна Александровна специально наняла человека, который научил дядю Ваню читать и писать, чего до этого, живя с бродягами, он, разумеется, не умел. Чуть позже у дяди Вани даже появилась любовь к чтению, благодаря чему в дальнейшем он прочитал много книг, которые ему тоже привозили.

В общем, у дяди Вани началась такая жизнь, о какой раньше он даже представления не имел. (Действительно, раньше он не знал, что, например, из водопроводного крана может течь горячая вода или что в квартире, в которой нет печки, зимой может быть тепло и даже жарко.) Но эта жизнь была не бесплатной. За нее нужно было платить. Впрочем, платить за нее тоже было приятным занятием, а именно: дядя Ваня должен был спать с Татьяной Александровной. А поскольку она была его первой женщиной, то нет ничего удивительного в том, что он в нее влюбился.

Татьяне Александровне было за сорок. Она была замужем и у нее было двое детей – сыновья (старшему сыну было двадцать три года, а младшему – девятнадцать). Ее муж, как и она, тоже был местной партийной «шишкой», только немного меньше нее.

Будучи страстной и похотливой женщиной, Татьяна Александровна никогда не упускала случая погулять где-нибудь на стороне. При этом она жаждала не только секса, но и настоящей любви. Поэтому частые, не менее трех раз в неделю, занятия сексом с горячим и ненасытным жеребцом, каким в то время был дядя Ваня, привели к тому, что она влюбилась в него. То есть между дядей Ваней и Татьяной Александровной вспыхнула взаимная любовь, которую уже ничем невозможно было потушить.

Это, в свою очередь, привело к тому, что Татьяна Александровна решила избавиться от своего мужа, в чем однажды она откровенно призналась своему юному любовнику, сказав, что без ее мужа им будет намного лучше. И действительно, вскоре она сделала то, чего хотела: ее мужа арестовали, обвинив его в каком-то заговоре, и расстреляли.

Надо сказать, дядя Ваня тоже был не против того, чтобы муж Татьяны Александровны куда-нибудь исчез. Ведь он любил эту женщину и не хотел делить ее с другим мужчиной. А значит, можно легко понять ту дикую радость, которую испытал дядя Ваня, когда узнал, что у него больше нет соперника и что его любимая женщина теперь будет принадлежать только ему.

Шли годы. Дядя Ваня превратился в «усатого мужичару», как он сам, помню, выразился, когда рассказывал мне эту историю. Правда, этот «усатый мужичара» нигде не работал. Он только гулял по городу, читал книги и больше ничего не делал. Да и зачем ему было работать, если все необходимое для нормального существования ему давала Татьяна Александровна? Я бы тоже нигде не работал, если бы у меня в свое время была такая любовница.

Возможно, счастье любовников длилось бы еще довольно долго. По крайней мере, оно могло бы длиться до тех пор, пока кто-нибудь из них не умер. Но неожиданно их счастье закончилось, что называется, на самом интересном месте – когда они решили пожениться. Случилось это в мае 1941 года. Именно тогда, во время одиночного блуждания по улицам города, дядя Ваня, как и я, сверхъестественным образом был перемещен в глухую сибирскую тайгу, где в дальнейшем он должен был стать хозяином небольшого участка чудесной земли. Потому что он, как и я, с самого детства мыслил о всеполноте.

Помню, дядя Ваня говорил, что если бы он не попал к бродягам, то его мышление никогда бы не повернулось в нужную сторону. Если бы он не попал к этим ворах и попрошайкам, то мысли о всеполноте никогда бы не пришли ему в голову. Поэтому он всегда радовался своему потерянному детству и потере своих родителей. Ведь именно благодаря этим потерям он приобрел всю бесконечность бытия, а значит приобрел и все то, что потерял. Наверное, правильнее будет сказать, что на самом деле дядя Ваня никогда никого и ничего не терял.

– Глупо сожалеть о прошлом, – говорил он. – Прошлое – это творец настоящего. Без прошлого не было бы ни тебя, ни меня, ни всех тех, кто вечно скулит и ноет, жалуясь на прошлое.

Действительно, последовательность различных событий в прошлом привела к тому, что мои родители познакомились друг с другом и родили меня, за что им большое спасибо. Не было бы в прошлом хотя бы одного из этих событий, и не было бы меня.

Мои родители познакомились под козырьком подъезда какого-то многоквартирного дома. В день знакомства каждый из них куда-то шел по своим делам. Неожиданно начался дождь, и они, увидев этот козырек, побежали под него прятаться. Сначала прибежал отец, затем еще несколько человек, и наконец прибежала вся промокшая до нитки симпатичная девушка, которой отец сразу же дал свой пиджак, чтобы она согрелась. Девушка поблагодарила его, после чего они разговорились и обменялись своими адресами. В дальнейшем они начали встречаться, затем поженились, и в итоге у них родился я.

А ведь если бы в тот день не было дождя, то не было бы и меня. Также меня не было бы и в том случае, если бы не было того многоквартирного дома, или если бы не было козырька над

его подъездом, или если бы кто-то из моих родителей не увидел этот козырек, или если бы в тот день им нужно было сделать какие-то другие дела, или если бы первой под козырек прибежала моя мать, или если бы у отца не было пиджака и так далее.

Ну а дождя в день знакомства моих родителей не было бы, если бы еще раньше не было последовательности различных событий – или хотя бы одного из этих событий, – без которых в нужном месте и в нужное время никакой дождь был бы просто невозможен. То же самое можно сказать о многоквартирном доме, о козырьке над его подъездом, о пиджаке отца и обо всем остальном.

Можно углубиться в прошлое еще дальше – во времена, когда на свете не было моих родителей. Если бы в этом прошлом не было хотя бы одного события, которое являлось звеном в цепи последовательности различных событий того времени, то мои родители так никогда бы и не появились на свет. По крайней мере, кто-то из них точно никогда бы не родился. Например, мог не родиться мой отец. В этом случае мужем моей матери был бы другой мужчина, и, следовательно, она бы родила не меня, а другого ребенка.

Вообще, если разобраться по существу, то я появился на свет еще и благодаря тому, что мои родители познакомились друг с другом в строго определенный момент времени. Познакомились бы они чуть раньше или чуть позже, и меня бы не было. Потому что началась бы другая последовательность событий, и сами эти события были бы другими. Это, в свою очередь, привело бы к тому, что зачатие ребенка у моей матери произошло бы в другое время, с другими мыслями, при другом состоянии ее души. А значит, этим ребенком был бы не я, а кто-то другой. Из этого ребенка получилась бы другая личность, у него было бы другое «Я», даже если бы во всем остальном он от меня ничем не отличался.

Всего сказанного мною уже достаточно, чтобы любой нормальный человек мог осознать, что если бы, например, не было войны с гитлеровской Германией, то не было бы нас – то есть тех людей, которые родились после этой чудовищной войны. Нас не было бы без всех прошлых войн, революций, жестоких зверств и кровавых жертв. Вместо нас сейчас были бы другие люди, а мы уже никогда бы не появились в этом мире.

Поэтому прав был дядя Ваня, когда говорил, что глупо сожалеть о прошлом. Этот мудрый старик понимал, что если прошлое было ужасным, то о нем надо не сожалеть, а просто никогда его не повторять.

– Часто так бывает, – говорил он, – что человек совершил в прошлом какую-то ошибку, а теперь сожалеет об этом. Но зачем сожалеть о том, что уже сделано? В таких случаях надо, во-первых, никогда больше не повторять этой ошибки, а во-вторых, надо как-то пытаться жить дальше, даже если из-за этой ошибки жить уже совсем не хочется. Сожалеть об ошибках, которые остались в прошлом, – это значит совершать еще одну ошибку. Надо безостановочно идти в безошибочное будущее, где мы поймем, что все наши прошлые ошибки на самом деле никакими ошибками не были.

Чтобы мое будущее стало безошибочным, дядя Ваня каждый день напоминал мне, что я должен поумнеть. С этой целью он подходил ко мне и начинал что-нибудь говорить. Например, подойдет и скажет:

– Когда здесь умирают хозяева этой земли, то их тела разлагаются за считанные минуты. Причем разлагаются полностью, даже косточек от них не остается. А знаешь почему?

– Наверное, потому, что здесь такая чудесная земля, на которой происходят удивительные вещи, – отвечал я.

– Нет, – смеялся дядя Ваня. – Если здесь умрет любой другой человек, то его тело будет разлагаться так же долго, как и за пределами этой чудесной земли. И кости от него останутся.

– Тогда я не знаю почему.

– На самом деле главная причина всех здешних чудес заключается не в самой земле как таковой, а в уме хозяев этой земли. Чем умнее они становятся, тем чудеснее становится эта

земля. Поэтому всегда нужно стремиться к тому, чтобы поумнеть. Иначе эта земля не будет чудесной. А если она не будет чудесной, то после смерти наши тела будут здесь долго разлагаться и оставят кучу костей. Собственно говоря, главное доказательство того, что при жизни хозяин этой земли был умным человеком, как раз и заключается в том, что, когда он здесь умирает, его тело сразу же начинает разлагаться и через несколько минут от него совершенно ничего не остается.

Дядя Ваня не шутил. Он говорил на полном серьезе. Потому что на территории нашей чудесной земли нет ни одной могилы, которые были бы непременно, если бы тела хозяев разлагались слишком долго или если бы от их тел что-нибудь оставалось. Преемники в таких случаях обязательно бы хоронили своих предшественников, и сейчас здесь было бы уже целое кладбище, которое, кстати, в далеком будущем могло занять всю нашу территорию и даже могло выйти за ее границы, что было бы абсолютно недопустимо. Но повторяю еще раз: никаких могил здесь нет! И этому может быть только одно объяснение: тело предшественника разлагалось быстрее, чем преемник мог успеть выкопать для него могилу, и после разложения от тела ничего не оставалось – то есть нечего было хоронить.

Как я узнал позже, здесь у нас так быстро и без остатка разлагаются не только сами тела хозяев нашей чудесной земли, но также одежда и обувь, которые в момент разложения находятся на этих телах. Более того, разлагаются все предметы, которые в этот момент находятся в карманах одежды; и даже куда-то бесследно исчезают все те предметы, которые принадлежали лично умершему хозяину и которые в момент разложения его тела находятся от него далеко. Остаются лишь те предметы, которые когда-то принадлежали умершему хозяину и которые еще при жизни он подарил своему преемнику.

Также еще интересно и то, что в момент разложения тел умерших хозяев нашей чудесной земли от них не исходит зловоние. Наоборот, они приятно пахнут. У них какой-то медовый запах вперемешку с запахами различных цветов. Причем все эти запахи не очень сильные: их можно почуять лишь в том случае, если находиться от тела не дальше трех метров.

Что касается других существ, живущих на нашей территории, то после смерти с их телами ничего подобного не происходит. С ними происходит то же самое, что и за пределами нашей территории. Например, однажды крупный взрослый медведь убил небольшого молодого медведя. Узнав об этом, я сначала хотел прогнать убийцу с нашей территории, но потом передумал, поскольку этот медведь был совершенно ручным и любил бродить с дядей Ваней по лесу, как собака. И тело убитого медведя я тоже не стал трогать – в смысле не стал закапывать его в землю, – так как мне хотелось узнать, что с ним произойдет; ведь мне казалось, что на нашей чудесной земле даже мертвые могут ожить, и я надеялся, что в скором времени увижу этого мертвого медведя живым. Но ничего подобного не произошло. Тело убитого медведя много дней разлагалось, ужасно воняло и от него остались кости.

То же самое на территории нашей чудесной земли произойдет с человеком, когда он умрет, если он не был хозяином этой земли. Ведь для обычного человека эта земля такая же, как и вся остальная Сибирь. Только, в отличие от остальной Сибири, у обычного человека не будет ни малейшего шанса выйти отсюда живым. Попав сюда, он уже через несколько минут будет мертвым. Никакое оружие и никакое укрытие не спасут его от гибели.

Даже если сюда попадет не один, а, скажем, тысяча человек, каждый из которых будет вооружен до зубов, и при этом все эти люди будут сидеть в закрытых танках, то и тогда никто из них не спасется. Потому что танки сразу же заглохнут, оружие потеряет способность стрелять, а сквозь танковую броню ползут насекомые или какие-нибудь другие существа, которые живут на территории нашей чудесной земли и которым эта земля дала сверхъестественную силу для ее защиты. За несколько минут эти существа убьют всех находящихся в танках людей, а затем вернуться к своему естественному существованию.

Разнообразные живые существа зимой и летом надежно защищают территорию нашей чудесной земли от всех незваных гостей. Этими незваными гостями могут быть только люди, потому что только они могут принести с собой скорби и печали. Именно поэтому всех попавших сюда людей не оставляют в живых. Хотя при желании хозяин этой земли может оставить в живых какого-нибудь человека и разрешить ему свободно жить здесь наравне с другими животными. Но зачем нам обычные люди с их скорбями и печалью? Мы в них совершенно не нуждаемся. От обычных людей нам нужно только одно: чтобы они оставили нас в покое.

При мне не было ни одного случая, чтобы на нашу территорию зашел какой-нибудь человек. А вот дядя Ваня рассказывал, что при нем был один такой случай – когда зашла небольшая группа вооруженных людей с собаками. Людей загрызли волки, а собаки испугались волков и убежали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.